

]

— Мгм, — произнес Янь Хан. — Что бы твои там ни говорили, просто пропускай мимо ушей. Не бери в голову.

— Хорошо. — Чу И кивнул.

На самом деле он уехал из дома совсем недавно, и всё вокруг осталось прежним. Только стало ощутимо холоднее, из-за чего он слегка зяб, а в остальном — те же виды, к которым он привык за десять с лишним лет.

— О, Чу И вернулся? — удивился хозяин маленькой лавки у школы. — Сколько же мы не виделись? Ты опять подрос?

— Дядь, — Чу И улыбнулся.

— Твоя мама только что заходила, — сказал хозяин. — Ты как раз вовремя.

— Моя бабу... — Чу И на секунду замялся, входя в лавку. — Дайте две пачки, сигарет.

— Бабушка твоя нынче плоха, — хозяин протянул ему сигареты. — Даже ругаться ни с кем не хочет.

Чу И промолчал. С тех пор как с папой случилась беда, из всей семьи будто вытянули жизненные силы. А когда уехал он сам, у бабушки и вовсе не осталось никого, на ком можно было бы сорвать злость.

Когда он открыл дверь, в нос ударил знакомый запах — затхлый, тяжелый, словно в доме годами не видели солнца, вперемешку с многолетним запахом прогорклого масла с кухни.

Услышав звук открываемой двери, из комнаты вышла мама. Увидев его, она на миг изумилась, а затем нахмурилась:

— На похороны примчался? Рановато как-то.

— О-о, — сидевший на диване дедушка уставился на него с нескрываемым изумлением. — Это еще кто?

Чу И ничего не ответил и принялся переобуваться. На журнальном столике перед дедушкой лежала коробка с лунными пряниками — он сразу узнал ту самую, что прислал ему Янь Хан. Пряники уже были распечатаны, один из них кто-то небрежно искрошил, и дедушка как раз отправлял кусок в рот.

— Вкусно? — спросил Чу И.

— Тесто слишком тонкое, масла много, — дедушка чмокнул губами, не прекращая жевать. — Хуже, чем на рынке.

— Я сей... сейчас уберу, куплю на рынке, — Чу И подошел и принялся собирать оставшиеся пряники.

— Ишь, какой деловой нашелся! — дедушка ударил ладонью по столу.

Чу И посмотрел на него, но промолчал.

— Положи на место! — снова рявкнул дедушка.

Чу И открыл коробку обратно.

— Вечно ты с причудами, — вставила мама. — На коробке же написано: отель. Ты за всю жизнь пряников из хорошего отеля не пробовал, а еще что-то про рынок говоришь. Если бы мама была дома, разве позволила бы тебе их есть?

— Моя бабу... — Чу И посмотрел на маму. — В больнице?

— А где ей еще быть? Валяться на улице, что ли? — отозвалась мама.

— В какой боль... нице? — спросил Чу И.

— Понятия не имею. — Мама с раздражением повернулась и ушла в комнату, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Самое место ей в психушке, — донеслось из комнаты вслед дедушкиным жеванием.

Чу И постоял в гостиной несколько секунд, развернулся, снова переобулся и вышел из дома. Он вдруг осознал, что уже не понимает, как жил в этом доме последние десять с лишним лет. Возможно, из-за исчезновения отца семья, и без того живущая в гнетущей атмосфере, стала еще более странной и невыносимой.

Чу И не знал, кого винить: Старика Дина, папу, или бабушку с дедушкой и мамой — людей, которые вечно были окутаны облаком безнадёжности.

На самом деле, спрашивать маму было ни к чему. Бабушка могла лежать только в Третей больнице, где она была прикреплена, — других вариантов у нее не было.

Чу И сразу направился в отделение, нашел медсестру, узнал номер палаты. Раньше, когда ему приходилось заниматься подобными делами, он чувствовал себя неуверенно, боялся заговорить, боялся спрашивать людей. В таких местах, как больница, где вечно снуют толпы, он без всякой причины начинал нервничать.

Но сейчас, шагая по коридору, он вдруг понял, что очень сильно изменился. Может, его подстегнула злость на маму и дедушку, а может, после жизни в городе он стал увереннее в себе — он совершенно не чувствовал былой тревоги.

Бабушка выглядела бодрой, сидела на кровати скрестив ноги и во весь голос что-то вещала. Судя по всему, слушателями должны были стать две другие старушки с соседних коек, но те лежали с закрытыми глазами, изображая полное безразличие; одна даже прикрыла лицо рукой.

Чу И постоял у входа, но, видя состояние бабушки, совсем не хотел входить.

— О! — бабушка повернула голову, увидела его, и брови ее взлетели вверх от изумления. — Вы посмотрите, кто пришел! Я же вам говорила! Мой внук!

Соседка по койке приоткрыла глаз, взглянула на дверь и хмыкнула:

— Попроси свою бабушку хоть немного помолчать.

— Ты чего приперся? — бабушка прищурилась, глядя на него. — Дорогой гость?

Чу И промолчал, подошел и встал у края кровати.

— Я в порядке, — бабушка косилась на него. — Чего прибежал? Твоя тетушка, небось, растрепала?

— Бабушка, — Чу И наклонился к ней. — Говори, нормаль... но.

Бабушка посмотрела на него, не сразу сообразив, что ответить.

— Ела? — спросил Чу И.

— Да щас, разбежалась. Твоя мать на День образования КНР даже выходного не взяла, так что последние дни я тут воздухом питаюсь.

— Сейчас куплю, — сказал Чу И.

На табличке у бабушкиной койки не было отмечено никаких ограничений в диете, поэтому Чу И взял в ресторанчике неподалеку порцию свинины по-сычуаньски и принес в палату. Бабушка больше не кричала, она сидела на кровати, понутив голову.

— Поешь, — сказал он.

— Ты папу не нашел? — внезапно спросила она.

— Нет.

— Все говорят, что он погиб, — продолжала бабушка. — Иначе почему полиция его найти не может? Если помер, значит, и не найдут.

— Ешь, — повторил Чу И.

Бабушка взяла контейнер и подцепила кусок мяса: — Эта еда получше того, что твоя мать приносит. Она только и ждет, чтобы я с голоду сдохла, лишь бы забот меньше было.

Чу И промолчал, прислонившись к стене и наблюдая за тем, как она ест. Когда она закончила, он прибрал остатки, выбросил мусор, еще немного постоял в тишине и покинул больницу.

Возвращаться домой не хотелось, а идти было некуда, и Чу И побрел к реке. Все выглядело по-старому. Сейчас стало прохладнее, неприятного запаха от воды не было, и если не смотреть на кучи мусора у берега, то место казалось вполне сносным. Его «дупло» в дереве было на месте — такое же тихое, как всегда.

Он подошел, коснулся краев отверстия. Знакомое, слегка теплое ощущение обожгло кожу, и к горлу подступил комок.

— Смотри, — Чу И достал из кармана монету, приложил ее к краю дупла. — Мы снова встре... тились. Поболтайте, пока меня нет.

Он прижался лицом к дереву и молча замер на какое-то время. Он действительно вырос: теперь даже прильнуть лицом к дуплу стало труднее. Он улыбнулся.

Он провел у реки весь день, а под вечер, перед ужином, купил еще порцию свинины и вернулся в больницу. На этот раз бабушка не язвила, но настроение у нее было паршивое. Хоть времени прошло совсем мало, Чу И чувствовал, что ей стало хуже.

— А ваш колледж, — бабушка жевала, не глядя на него, — после выпуска работу гарантирует?

— Нет.

— А как же ты устроишься? Сам искать будешь?

— Угу.

— Заика, да еще и сам работу искать... да ты с ума сошел, — она нахмурилась. — Никчемный. Даже в нормальный колледж, где распределяют, поступить не смог.

Самолет был послезавтра утром. Он думал, что сможет провести дома целый день, но уже сейчас, пробыв здесь всего ничего, чувствовал себя на взводе. Завтра он планировал съездить к дедушке и бабушке по отцовской линии, а потом — напрямую в аэропорт.

Странно: когда он неделю не видел Янь Хана, он не чувствовал себя так плохо, как сейчас, спустя всего полдня разлуки. Он скучал.

Скучал так сильно, что не находил себе места, нервно расхаживая по берегу. Как только пришло время конца смены Янь Хана, он, не дожидаясь ни минуты, набрал номер.

— Дворняжка, — с улыбкой отозвался Янь Хан.

Как только раздался его голос, Чу И почувствовал, что земля вернулась под ноги. Он обессиленно опустился на каменную скамейку.

— Ты закон... чил смену?

— Только вышел, еще форму не сменил, — ответил Янь Хан. — Как ты там?

Чу И прекрасно понимал, что тот спрашивает о ситуации дома, но когда прозвучало это «как ты там», ответ вырвался сам собой:

— Я так по тебе скучаю.

Янь Хан на секунду замолчал, а потом рассмеялся:

— Мы же виделись всего ничего, а ты уже по мне так соскучился, что даже заикаться перестал?

<http://bllate.org/book/18095/1747717>